

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Г. Н. Андреева*

ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. Статья посвящена проблематике эволюции конституционного права. Показана значительная роль России в подготовке и принятии конституций Ионических островов 1799 и 1803 гг., а также в создании текстов других проектов конституций для Ионических островов. Оценка вклада России произведена на основе детального изучения научной литературы и архивных материалов в России и на острове Корфу (Греция), что позволило восполнить определенный пробел в российской конституционной истории и поставить вопрос о новой ее интерпретации, а также по-новому оценить особенности движения России к конституционному строю.

Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. удалось, хотя и не на своей территории, создать такие образцы конституционных документов, которые отражали реформаторский, эволюционный, а не революционный переход к конституционному строю. То есть уже в период раннего конституционализма на практике была выявлена вариативность такого рода конституций, возможность реализации в них разных моделей и интересов при сохранении в целом традиционного управления, что впоследствии было подтверждено практикой многих стран. Конституционализм был обогащен уникальным опытом подготовки конституций в результате согласования позиций множества участников разного ранга из нескольких стран. Российский опыт показал, что и в случае подготовки конституций на территории с иностранным военным присутствием возможен конституционный процесс при активном участии населения и без навязывания ему чуждых образцов. В результате принятия конституций на островах был приобретен конституционный опыт создания полусамостоятельного государства — первый опыт конституционного перехода от колониального состояния к собственной государственности. Конституционно-правовая интерпретация зарубежного практического российского конституционного опыта и дарования конституций «на окраинах» империи открывает новые грани становления современного конституционализма, а исследование связанных с ее созданием событий и фактов делает картину конституционной истории человечества более полной.

Ключевые слова: интерпретации конституционной истории, конституционная история России, Ионическая конституция 1799 г., Конституция Ионических островов 1803 г., альтернатива революционным конституциям, создание полусамостоятельного государства, позиция Османской империи, особенности российского конституционализма, значение конституционного опыта, эволюционный переход к конституционному строю.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.112.3.022-034

© Андреева Г. Н., 2016

* Андреева Галина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

g.n.andreeva@gmail.com

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2

1. РОССИЙСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИСТОРИИ

В юбилейные годы интерес к осмыслению процессов развития национального конституционализма обычно усиливается, поэтому естественно обращение к его истокам, с которых начиналось движение к современному состоянию, к точке, задающей во многом параметры дальнейшего движения к конституционному строю. В отечественной конституционно-правовой литературе за последние десятилетия появилось значительное число исследований, посвященных анализу истории движения России к конституционному строю применительно к истории юридической, писаной конституции. При этом современная российская конституционно-правовая литература, в отличие от литературы предшествующего советского периода, довольно разнообразна в интерпретации российского исторического конституционного опыта. Это относится как к монографическим исследованиям и статьям, так и к учебникам, причем, как представляется, излагаемые в них позиции учитывать в определенном смысле даже важнее, поскольку, с одной стороны, традиционно считается, что они в первую очередь передают устоявшиеся мнения, являются своего рода оплотом сложившейся парадигмы, с другой стороны, они формируют воззрения будущих юристов, т.е. являются одним из факторов, воздействующих в определенной мере на будущее науки.

Ученые, которые ориентируются на материальную конституцию, ищут корни конституционализма, и российского конституционализма в том числе, в глубине веков¹. При этом для них российская конституционная история на-

чинается в разные периоды. По мнению одних, «конституционализм как движение по ограничению государственной монаршей власти на Руси возник издревле, подтверждением чему является история Новгорода и Пскова»². Вместе с тем некоторые ученые стремятся четче определить место столь древних институтов по отношению к современным. Так, Ю. Л. Шульженко использует для их характеристики удачный, на наш взгляд, термин «прообразы»: «Прообразы конституционных институтов, элементов практического конституционализма имели место еще в Древнерусском государстве — раннефеодальной монархии»³.

Это направление научной интерпретации истории весьма интересно, но требует дополнительной проработки и аргументации в отношении перерывов в развитии. Ведь одна ситуация, когда, например, парламент на острове Мен применяет в своей практике традиции тысячелетней давности без перерыва, и другая, когда, говоря о конституционной истории, вспоминают о Новгородском вече, традиции которого утрачены. Разумеется, и то и другое можно рассматривать как элементы конституционной истории, но оценка их роли в этой истории неизбежно различна. Что происходило в российской конституционной истории (если ее истоки искать в глубине веков): изредка вспыхивающие и угасающие без последствий импульсы или подспудное развитие конституционализма? Ответ на этот вопрос еще требует серьезной проработки и серьезных доказательств.

В целом по применяемым подходам и используемой аргументации данное направление близко к тем зарубежным исследованиям материальной конституции, в рамках которых используются термины «античный конституционализм», «средневековый конституцио-

¹ Насколько глубоко в историю следует уходить и ограничиваться ли только российскими источниками или все-таки общими для человечества в целом как оказавшими влияние на всех — зависит от предпочтений исследователей. Например, одни полагают, что надо начинать с «протоконституционных документов»: свода законов, изданных шумерским монархом XXIV в. до н. э., законами Хаммурапи и т.д. (см.: Конституционное право России : учебник / под ред. В. А. Виноградова. М. : Юнити-Дана, 2010. С. 65). Другие исходят из того, что первая писаная конституция появилась примерно за тысячу лет до нашей эры и была издана судьей и пророком Самуилом в Древнем Израиле (см.: Баренбойм П. Древнеегипетские корни библейской конституции // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 19).

² Ваксман В. Б., Пархоменко А. Г. Конституционализм и парламентаризм: становление и развитие в России. Владивосток, 2010. С. 18 ; Пархоменко А. Г. Конституционализм: становление и развитие в России. М., Воронеж, 2012. С. 22.

³ Конституция в XXI веке. Сравнительно-правовое исследование. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 94.

нализм». Как представляется, развитие такого рода исследований российской конституционной истории позволило бы более определенно выявить внутреннюю связь различных современных институтов конституционного права с предшествовавшими институтами, глубже понять эволюцию и проблемы российских конституционных явлений.

Другие исследователи изучают историю конституции в современном конституционно-правовом понимании, прежде всего как писаного документа, занимающего в системе правовых актов особое положение и регулирующего определенный набор общественных отношений в либеральном духе. Здесь также наблюдается определенное разнообразие в выборе точки отсчета начала движения к конституционному строю. Как представляется, это связано с возможностью по-разному интерпретировать принятые в свое время в России акты. По мнению одних, появление конституционно-демократических идей и первых конституционных проектов относится к XVIII в.⁴ Имеется точка зрения, по которой истоки российского конституционализма отнесены к 1881 г.⁵ Довольно популярный вариант точки отсчета частичного воплощения конституционных идей — 1905 г.⁶ По сути, в этих исследованиях обращается внимание на акты, в которых находили отражение отдельные элементы конституционного строя, но не комплексное конституционное регулирование.

Часть ученых ограничивается советским периодом как временем появления конституций. В этом случае утверждается, что «в истории России насчитывается пять конституций» — 1918, 1925, 1937, 1978 и 1993 гг.⁷ Этот подход сформировался еще в советский период, и в наше время список был просто дополнен действующей конституцией. Эти исследователи ориентируются в значительной степени на формальный признак наличия акта под названием «конституция», действующего в отношении всей территории государства. Следует отметить, что все вышеприведенные работы при исследовании конституционной истории имеют в виду историю российского государства как целого, без учета его имперской природы и специфики внутреннего устройства, т.е. по существу прошлое оценивается с позиций современных и во многом исходя из представлений, сформировавшихся в советский период.

Отличающееся в сторону расширения предмета исследования видение конституционной истории России присутствует в работах, изданных в ИГП РАН. В них излагается история российского конституционного права, где наряду с общероссийскими актами упоминаются или анализируются проект 1804 г. для Ионических островов, Тырновская конституция 1879 г., польская Конституция 1815 г., а также Конституция Финляндии⁸, т.е. акты только XIX в. Однако эти, подчас весьма детальные наблюдения

⁴ Карнишина Н. Г. Конституционализм в России: теория и история : учеб. пособие. Пенза : Изд-во Пензенского ун-та, 2008. С. 3.

⁵ Шейнис В. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX—XXI веках. М. : Мысль, 2014. С. 27. Речь идет о покушении на императора, которое сорвало проведение уже подготовленной реформы и остановило «продвижение России к Конституции на четверть века» (см.: Там же. С. 28).

⁶ Так, в учебнике В. Г. Стрекозова говорится, что «в российском государстве основы конституционного строя и первые законодательные акты конституционного характера возникли в начале XX века. Только Революция 1905 г. привела к необходимости превращения неограниченной самодержавной власти в конституционную монархию» (см.: Стрекозов В. Г. Конституционное право России : учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 37). «В дореволюционный период конституционные идеи выдвигались российскими учеными и политиками, частично нашли отражение в царских манифестах 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка, учреждении Государственной думы, Законе о выборах, Основных государственных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г. — народное представительство, многопартийность, свобода СМИ, основные права и свободы личности и др.» (см.: Нарутто С. В., Таева Н. Е., Шугрина Е. С. Конституционное право России : учебник. М. : РИОР, Инфра-М, 2013. С. 35).

⁷ См., напр.: Киричёр Е. В. Конституционное право России. Тюмень : Тюмен. ин-т повыш-я квалиф-и сотрудников МВД России, 2012. С. 55 ; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. 5-е изд. М. : Проспект, 2013. С. 84.

⁸ Шульженко Ю. Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. М. : ИГП РАН, 2008. С. 73–77 ; Конституционное право России : курс лекций. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 87–89.

подаются именно как таковые («следует обратить внимание на особенность государственного устройства имперской России»⁹, см. также замечание о том, что даровались акты в условиях отсутствия конституции в самой России¹⁰) и не влекут изменения общей оценки автора: «В монархической России конституции не было. Вместе с тем в ней выдвигались конституционные идеи, предлагались конституционные проекты. Они оказали определенное влияние на дальнейшее формирование, развитие государственно-правовых институтов»¹¹.

Как представляется, сам факт включения описания данных актов свидетельствует об ощущении наличия пробела в истории российского конституционного права и российского конституционализма, который необходимо заполнить. Проведенное автором данной статьи детальное исследование архивных материалов в России и на острове Корфу (Греция)¹², научной литературы по данному вопросу показало, что налицо существенный пробел российской конституционной истории, ликвидация которого позволит поставить вопрос о новой ее интерпретации и по-новому оценить некоторые проблемы российской государственности и движения к конституционному строю.

2. РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ И НА ЕЕ ОКРАИНАХ

Факты о том, что Россия в разные периоды участвовала в конституционных процессах за рубежом (Ионические конституции конца XVIII — начала XIX в., Тырновская конституция 1879 г.) и даровала конституционные акты своим окраинам (Польше и Финляндии), не являются совершенно забытыми или неизвестными, по крайней мере историкам.

Вопрос о российском конституционализме за пределами России и на ее окраинах достаточно подробно исследовался историками еще в советское время¹³, но с исторических позиций, как любопытная часть дореволюционной истории российского государства, а не в качестве составной части его именно конституционной истории и конституционного права и не интерпретировался в контексте его развития. В последние годы историки стали признавать, что Ионическая конституция 1799 г. может быть использована и для исследования становления российских представлений о конституционализме¹⁴. Вопрос о месте данного акта в конституционной истории получил отражение и в современных конституционно-правовых исследованиях¹⁵, что позволяет отодвинуть рамки истоков российского конституционализма в XVIII век, т.е. к периоду первых писаных конституций, и скорректировать представления о важных аспектах его формирования и содержания.

Внимание в отношении дарования Россией конституционных актов территориям за ее пределами акцентировалось в основном на кажущемся парадоксе такого дарования в условиях, когда у самой России конституции не было. Следует сразу оговорить, что, изначально разделяя это мнение, автор данной статьи в процессе углубленного, прежде всего архивного, исследования данной темы пришел к выводу, что парадокс этот — во многом кажущийся. Кроме того, это интерпретация российской истории, созданная историками на том этапе развития отечественной исторической науки, когда именно социалистический конституционализм рассматривался как истинный. Соответственно, исследование могло быть только в сугубо критическом ключе и уж никак не в качестве основы для каких-то общих выводов о развитии российского конституционализма, охватывающих как советский, так и предше-

⁹ Конституционное право России : курс лекций. С. 87.

¹⁰ Шульженко Ю. Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. М. : ИГП РАН, 2008. С. 77.

¹¹ Конституционное право России : курс лекций. С. 86.

¹² В том числе в рамках международного научного проекта РГНФ-КЕРИЕ 2011 № 11-23-14001a/Gre.

¹³ См., например, обобщающую эти исследования работу советского периода: Гросул В. Я. Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2. С. 166–180.

¹⁴ Минаева Н. В. Потаенные конституции России. М., 2010. С. 18021.

¹⁵ Андреева Г. Н. Место Ионической конституции 1799 г. в мировых конституционных процессах: постановка проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 79084.

ствующий периоды истории. Примерно таким же было отношение и к конституционным актам для окраин России: включение их именно в конституционную историю России подрывало бы общую стройную, простую и внутренне непротиворечивую (но противоречащую фактам) историческую картину неконституционного характера российского дореволюционного строя. Посему их исследование также строилось по схеме некоего парадоксального факта, не связанного с природой российского самодержавного государства, со всеми вытекающими из этого последствиями.

На наш взгляд, такая интерпретация зарубежного опыта России и опыта дарования конституций окраинам уже не соответствует современному уровню развития российской науки. Прежде всего, исключение данного опыта из конституционной истории России не соответствует современному пониманию ее природы как империи. В парадигме исторического знания и в теории государства на смену классической советской трактовке Российской империи как «тюрьмы народов» пришло более сложное и комплексное понимание ее природы как государственного образования, в котором монарх выступает не только как глава единого государства, но и как глава самобытных частей империи, государственного устройства с «асимметричным распределением публичной власти в едином государстве, определенным сохранением публичного права в регионах и различной степенью автономизма»¹⁶. В силу этого конституционные акты для так называемых «окраин России» не следует считать каким-то исключением, парадоксом или чем-то внешним для российского конституционного права — это проявление как раз внутренней имперской природы данного государства (можно провести определенную аналогию с Британской империей). Российская империя (как и любая другая) оказывала разные формы покровительства и в разных формах активно участвовала в делах и других территориях, пеклась о них как о собственных (самый популярный пример этого относится к Мальте

и Павлу I). Все это было вполне характерно и для других империй того времени.

Кроме того, в результате многочисленных исследований последнего десятилетия существенно расширились в целом представления о российском правительственном, эволюционном конституционализме, его вариативности, способности абсорбировать различные идеи, гибкости и приспособляемости (хотя, разумеется, в определенных пределах), что позволяет их соотнести с описываемым ниже опытом.

Поскольку участие России в создании конституционных актов для Болгарии и Польши достаточно подробно изложено уже в конституционно-правовых исследованиях, в данной статье особое внимание обращено на ионический опыт, менее известный специалистам по конституционному праву, в то время как он был первым и во многом заложил основы дальнейшего развития эволюционного, правительственного конституционализма и в России, и в восточно-европейских странах.

3. ИСТОКИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ: ОПЫТ СОВМЕСТНОГО С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ДАРОВАНИЯ ИОНИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1799 г.

Если включить в конституционную историю России ее опыт участия в создании конституций для государств, находившихся под ее покровительством, то первый практический опыт в области конституционного строительства Россия получила на Ионических островах — это было участие в подготовке и принятии комплексного конституционного акта Ионической конституции 1799 г.

Поскольку историческая обстановка и роль отдельных личностей в истории Ионических островов конца XVIII в. детально изучена в исторических исследованиях, в силу их многочисленности и ограниченности объема данной статьи вынуждены отослать читателя к обзору исторической литературы и к самим первоисточникам¹⁷. Начнем непосредственно

¹⁶ Красняков Н. И. Конвергенция имперских институтов публичной власти в России // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности : материалы конференции, г. Новосибирск, 25–26 октября 2012 г. Новосибирск, 2013. С. 256.

¹⁷ Андреева Г. Н. Место Ионической конституции 1799 г. в мировых конституционных процессах: постановка проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 79–80.

с того факта, что российский император направил в Средиземное море российский флот во главе с адмиралом Ф. Ф. Ушаковым, который разбил французские гарнизоны, освободил Ионические острова, а затем обеспечивал на них порядок и безопасность, создавая условия для формирования органов нового государства и подготовки конституции, которая и была принята Ионическим сенатом в 1799 г. Этот акт должен был создать правовую основу поддержания порядка на островах, которые к этому моменту перестали быть центром военных действий в Средиземном море¹⁸.

Ионическая конституция — небольшой по объему документ, содержащий 30 статей¹⁹. Республика островов устанавливалась в виде централизованного государства с разделением властей, хотя и неполным. Сенат состоял из избранных представителей островов (от одного до трех). На островах также создавались свои законодательные органы — главные советы. В определенной мере они участвовали в общем для всех островов законодательном процессе: было предусмотрено утверждение законов и установлений, утвержденных сенатом,

по истечении года большинством голосов главных советов всех островов. В Конституции была детально урегулирована система судебных органов, в этом очевидным образом проявлялось стремление перевести ситуацию нередких в то время на островах грабежей и самосуда в легальную и цивилизованную форму разрешения споров. Отдельной главы о правах граждан не было, правовой статус граждан был урегулирован фрагментарно. Были урегулированы те отношения, которые имели наиболее актуальное значение для снижения остроты социальных противоречий, например была статья о гарантиях частной и церковной собственности. Страны — участницы конституционного процесса собирались сохранить в основных чертах прежнее (до французов) управление островами, именно поэтому в качестве наиболее подходящего к местным условиям образца для новой конституции была избрана Конституция Дубровницкой республики²⁰, о чем в указаниях Ушакову неоднократно напоминает Павел I²¹. Но это был именно образец, который не предполагалось скопировать полностью²². В исторической литературе особо выделяется

¹⁸ С особенностями конституционного процесса напрямую связан тот факт, что текст Конституции существует в двух вариантах. Первый, используемый российскими исследователями, представляет собой перевод с итальянского (политическая элита Ионических островов была, можно сказать, сформирована Венецией во время ее правления, и языком политической элиты был итальянский). Копия перевода хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Госархив. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 379. Л. 274–279), она была опубликована в 1952 г. (Адмирал Ушаков : сборник документов и материалов : в 3 т. / под ред. Р. И. Мордвинова. Т. 2. М., 1952. С. 520–526). Далее текст Конституции цитируется по данному изданию. Эта публикация не является абсолютно точным воспроизведением архивной копии: хотя в ней в целом сохранен стиль оригинала, некоторые детали, несущественные для целей указанной публикации, опущены, написание многих слов и частично грамматика приведены в соответствие с нормами правописания XX в. Кроме того, текст Конституции на итальянском языке опубликован за рубежом (см.: Станиславская А. М. Адмирал Ф. Ф. Ушаков и Ионическая конституция 1799 года // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений : сб. статей памяти акад. В. М. Хвостова. М., 1972. С. 381).

¹⁹ Статьи 1–6 регулируют вопросы избирательного права, ст. 7–9, 16–17, 25 и 29 — порядок формирования и полномочия сената; ст. 10–13, 15, 20, 23–24 — статус судей, судебную систему и полицию; ст. 14 — статус секретарей присутственных мест; ст. 18 — статус казначейства; ст. 21 — статус прокуроров; ст. 22 — текст присяги для выборных лиц; ст. 19 — гарантии собственности; ст. 26–28 — вопросы о войсках и военных судах, принадлежащих островам; ст. 30 — порядок утверждения Конституции.

²⁰ Речь шла о системе управления, сложившейся в Дубровнике под сильным влиянием опыта Венеции (см.: Андреева Г. Н. Дубровницкая (Рагузская) республика как образец для создания полунезависимого греческого государства в конце XVIII — начале XIX в.: к вопросу об источниках Ионической конституции 1799 г. // Реформы и право. 2011. № 2. С. 64–70).

²¹ См.: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции, 1798–1800 г. М., 1983. С. 214–215.

²² Тем не менее влияние указанного образца проявилось и в аристократическом характере Республики, и в порядке формирования органов государства, и в их компетенции, и в принципе исключения лиц физического труда из политики.

два наиболее существенных отличия: расширение избирательного корпуса за счет включения зажиточной неаристократической части населения и создание условия для роста национального самосознания греков (в результате введения греческого языка судопроизводства).

Основные параметры конституционного процесса на Ионических островах определяли указания глав двух государств — Османской империи и Российской империи, которые давались в процессе дипломатических переговоров о статусе островов, соответственно, в конституционном процессе немаловажную роль играли дипломаты²³. Исполнителем со стороны России выступал находившийся на островах адмирал Ф. Ф. Ушаков — по существу, глава российской военной администрации по современной терминологии. В силу этого в конституционно-правовом смысле Ионическая конституция 1799 г. обладает значительным своеобразием — это продукт согласования позиций двух государств, внешних по отношению к территории, для которой принимается конституция, в условиях внешнего военного правления на ней²⁴. Вместе с тем это не означало навязывания конституции населению: Ф. Ф. Ушаков получил инструкции о создании акта, учреждавшего «правление с учетом традиций и пожеланий населения». Следует отметить, что здесь мы имеем дело с существенным отличием, например от практики установления конституций на завоеванных Наполеоном территориях. В условиях присутствия французских войск появлялись на свет не учитывавшие местные особенности акты, а двойники французской Конституции 1795 г. — Цизальпинская конституция 1797 г., Конституция Батавской республики 1798 г. и Конституция Гельветической республики 1798 г.

Несмотря на принятие Конституции сенатом, на островах развернулась острая политическая борьба вокруг конституционного акта, прежде всего в силу того, что нобили

стремились вернуть все свои традиционные аристократические права, всю полноту власти. Сложная политическая ситуация сказалась и на судьбе принятого Ионическим сенатом и утвержденного Ф. Ф. Ушаковым (как главой военной администрации) документа. В соответствии со ст. 30 данной Конституции он был представлен островными делегациями для утверждения России и Порте. Депутация, направленная в Порту, хотя и имела таких полномочий, сразу начала закулисные переговоры о пересмотре документа в пользу нобилей и добилась успеха. Официальный Петербург считал документ сырым и затягивал встречу с направленной в Россию депутацией. Затем Портой стал «продавливаться» другой документ, получивший в литературе название Константинопольской (Византийской) конституции, возвращавшей аристократическое правление нобилей в варианте Венецианской республики. Он был утвержден Ионическим сенатом и Портой, но Россия по поводу него хранила молчание и в конечном итоге так и не утвердила.

Дальнейшее развитие конституционного процесса в Республике также протекало непросто. Из-за сильной дифференциации интересов и высокой пассионарности населения островов, из-за противостояния нобилей и остального населения политическая ситуация была нестабильной. Начался «парад конституций»: до конца существования Республики (в 1808 г.) появилось несколько проектов (некоторые так и остались ими) и конституций²⁵. Часть из них разрабатывалась без России (уже упоминавшаяся Константинопольская, или Византийская, конституция и Конституция Оноранды²⁶).

Российская сторона внимательно следила за развитием событий на островах и пыталась найти такое конституционное решение, которое бы привело к стабилизации политической ситуации. Соответствующие указания о разработке новых проектов конституции для островов были даны представителю России

²³ См. об этом: Гинзбург Ю. В. Василий Степанович Томара и Конституция Ионических островов 1799 г. // Публично-правовые исследования. 2012. № 3. С. 96–117.

²⁴ Ситуация, которая впоследствии воспроизводилась неоднократно, один из примеров — принятие Основного Закона ФРГ.

²⁵ Парад конституций этого периода описан в работах: Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. Политика России на Ионических островах 1798–1807 гг. М., 1976 ; Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII в. — 70-е годы XIX в.) . М., 1986. С. 34–37.

²⁶ Оноранда (Onoranda) — временное правительство, созданное в 1801 г. горожанами и крестьянами и поддержанное некоторыми дворянами в противовес аристократическим органам.

при Республике Семи Соединенных Островов Г. Д. Моцениго, который находился в тот момент в Италии, и представителю России в Неаполе А. Я. Италинскому. Таким образом, для России, благодаря островам, работа над конституционными аспектами государственной организации стала постоянной.

В отличие от проектов, выработанных на самих островах, которые являлись результатом временного преобладания определенного сословия или его части и отражали прежде всего их интересы, российские проекты были нацелены на поиск такого баланса различных интересов, который привел бы к миру и стабильности на островах. Каждый из разработанных российскими участниками вариантов отражал представления автора о создавшейся ситуации (которая была изменчивой) и возможных инструментах обеспечения мира на островах и был в этом плане оригинальным. Подготовленный А. Я. Италинским в 1802 г. проект²⁷ должен был расширить возможности получения дворянства состоятельными жителями островов, что, в свою очередь, могло снять социальное напряжение и увеличить избирательный корпус за счет обеспеченной и соответственно более благонадежной части населения. Разделение властей, по сравнению с Конституцией 1799 г., было существенно углублено. Одобрив в целом проект, Александр I внес в него значительные добавления, которые углубляли регулирование взаимодействия различных государственных органов, их взаимосвязанность. Этот проект не стал конституцией, но его основные идеи (как одобренные императором) были использованы позднее в проекте Г. Д. Моцениго.

Зимой 1802–1803 гг. Моцениго закончил работу над проектом конституции и представил его императору. Законодательное собрание островов, избранное летом 1803 г., обсудило проект новой конституции. В течение двух месяцев вопросы были согласованы и сняты, конституция утверждена и 23 (5) декабря 1803 г. вступила в силу²⁸.

Современные исследователи справедливо обращают особое внимание на структурированность и проработанность деталей данного проекта по сравнению с предшествующими актами, называя его «просто образцом качественной и добротной работы»²⁹. В Конституции материал четко распределен по главам, очевидны и высокая степень владения понятийным аппаратом конституционного права того времени, и новый уровень понимания конституционной материи и возможностей ее обобщения (например, глава 1 была посвящена «форме, природе и основам Республики»), и стремление определить конституционные принципы и начала (так, в ст. 1 был установлен принцип единства Республики и аристократическое правление). Центральной идеей данного акта явилось формирование так называемого конституционного дворянства, которое и наделялось политической властью. В целом в проекте чувствуется как влияние Конституции 1799 г. (по сути, в ней реализованы самые смелые идеи Конституции 1799 г., особенно применительно к второклассным), так и проекта Италинского, что справедливо отмечается в литературе³⁰. Вместе с тем, как представляется, это достаточно самостоятельный документ, в котором достижения европейской конституционной мысли в плане организации и подачи конституционного материала, выраженные прежде всего в революционных конституциях, подчинены задаче создания аристократической конституции и формирования конституционного дворянства. Сложная система государственных органов, почерпнутая из разных источников, особенности их взаимодействия позволяли обеспечить углубленное разделение властей, но при этом сохранить определяющую роль конституционного дворянства. Вместе с тем в текст Конституции 1803 г. достаточно органично вплетены традиционные культурные островные ценности: для дворянства — недопустимость занятия физическим трудом, для всех — семейные ценности (вопросы избирательного права были увязаны

²⁷ Проект Италинского // ВПР. Т. 1. С. 711.

²⁸ Подробнее о подготовке данной Конституции см.: *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. С. 185–197.

²⁹ *Петрунина О. Е., Клисун С. Г.* Эволюция государственного устройства Республики Семи Соединенных Островов в 1799–1803 гг. // Вестник Московского ун-та. Серия 11 : Управление (государство и общество). 2009. № 2. С. 140.

³⁰ См., например: *Петрунина О. Е., Клисун С. Г.* Указ. соч. С. 145.

с состоянием в браке, исключение было сделано только для упорных холостяков старше 70 лет; человек, порвавший с семьей, лишался избирательных прав и т.д.) Как представляется, значение этой Конституции для конституционного права состоит прежде всего в опыте выработки комплексного подхода к решению задачи сохранения аристократического правления и при этом снятия общественного напряжения.

С точки зрения истории исследования российского конституционализма обращает на себя внимание качественно новый уровень использования российским административным аппаратом конституционной законодательной техники для задач регулирования эволюционного развития, гораздо более свободный подход в поиске оптимальных решений, их организационная законченность, особое внимание к взаимодействию различных органов. Поскольку в самой России в эпоху Александра I началось активное движение в сторону эволюционного конституционного пути, а в 1803 г. ставился вопрос о написании официального проекта российской конституции Комиссией по составлению законов и даже был создан подробный план, вопрос о создании конституции перешел из теоретической в практическую плоскость, и участие в конституционном процессе на островах приобрело практическую ценность, поскольку позволяло на практике примерить функционирование различных институтов (отсюда, как представляется, и уже упомянутое внимание Александра I к взаимодействию государственных органов на островах) в условиях подготовки к реформированию системы высших органов государственной власти в России с некоторым учетом идей конституционализма и разделения властей.

4. ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ОПЫТА РОССИИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЕЕ МЕСТА В МИРОВОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Описанный выше опыт участия России в конституционных процессах на Ионических островах, как представляется, позволяет по-новому поставить вопрос о времени получения Россией практического конституционного опыта.

Благодаря включению в конституционные процессы на Ионических островах Россия стала их активным участником-практиком (хотя и не на собственной территории) уже в конце XVIII в., в период появления первых писанных

конституций в Америке и Европе, т.е. практически одновременно с передовыми странами Европы и США. Это существенно меняет представления о сроках и об особенностях формирования российского конституционализма.

Сложная историческая ситуация, в которой происходил конституционный процесс на Ионических островах, высокая политическая активность населения требовали значительной гибкости и заставили императора, двор, дипломатов и Ф. Ф. Ушакова проработать разные варианты такого конституционного строительства, которое должно было привести к эволюционному переходу к конституционному строю в противовес французскому революционному пути. Поскольку произошло это в конце XVIII века, т.е. в период появления первых писанных конституций в Америке и Европе, можно считать, что Россия присоединилась к конституционным процессам в качестве активного участника (хотя и не на собственной территории) практически одновременно со странами Европы и США. Участие в конституционных процессах на островах не было разовой акцией со стороны России. Разработка других проектов российской стороной сделала ее участие в конституционном процессе на островах перманентным, что привело в конечном итоге не только к увеличению числа проработанных вариантов проектов, но и к существенному росту законодательной техники, уровня содержания самих актов, владения актуальной для того времени конституционной терминологией, что ярко проявилось в Конституции Ионических островов 1803 г.

Значение опыта создания Ионической конституции 1799 г. для России и вместе с тем его уникальность состоит в том, что объективно Россия получила возможность поиска новых способов перехода к конституционному строю безопасно для собственного правительства. Но поскольку, с одной стороны, на данном этапе в самой России на официальном уровне вопрос о создании конституции не ставился, с другой стороны, разные формы покровительства России рассматривались отдельно, участие в конституционном процессе не рассматривалось и не воспринималось на тот момент российскими участниками конституционного процесса, включая императора, как некий «тренинг», наоборот, скорее как сложная, но подлежащая решению задача — следствие озабоченности России международной ситуацией и выполнением ею своих обязательств перед союзниками

(с существенным обременением в материальном плане). Тем не менее, будучи объективно вовлеченными в конституционный процесс иностранного государства, император, его ближайшее окружение, чиновники были самой ситуацией в практической плоскости приобщены к конституционной проблематике, должны были осмысливать сформировавшиеся на тот момент конституционные ценности и принципы, искать такие варианты государственной организации, которые обеспечивали бы мирный, эволюционный, постепенный переход к конституционному строю в противовес французскому революционному пути, и формулировать их в виде нормативных положений.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, исполняя международные обязательства, Россия стремилась учесть интересы различных групп местного населения, как они виделись в то время, и найти вариант, обеспечивающий согласие, безопасность и стабильность жизни на островах. В самой России, с ее сложной социальной структурой, самодержавие делало ставку на верхушку соответствующей социальной группы. То обстоятельство, что Ф. Ф. Ушаков с самого начала обращал внимание на опасность применения аналогичной тактики на островах (что, собственно, и подтвердил на практике опыт применения следующей, Византийской конституции), заставило императора, его окружение и чиновников иметь в виду это обстоятельство, т.е. расширяло и изменяло их представления о возможной государственной организации. В эпоху Александра I учет политических интересов разных слоев стал аксиомой, но впоследствии в России этот подход, к сожалению, не получил твердого правового основания. На следующем этапе вопрос состоял уже не в том, нужно ли это делать, а в том, как именно расширять избирательный корпус, и здесь был использован опыт Ионической конституции 1799 г.

Благодаря решению различных политических и конституционно-правовых вопросов в ходе конституционного процесса, которые пришлось принимать императору и россий-

ским чиновникам (определение модели для регулирования в виде Конституции Дубровницкой республики, проблема главы государства, избирательное право и т.д. — с учетом особенностей психологии местного населения³¹), постепенно формировалось понимание, по крайней мере у высших слоев, что конституция и конституционализм — это не так страшно, как виделось под влиянием кровавого французского опыта, и что можно найти алгоритм спокойного, эволюционного пути.

Как составная часть мировых конституционных процессов и мировой конституционной истории, опыт создания ионических конституций при участии российской стороны наиболее ценен, на наш взгляд, следующим. Во-первых, благодаря этим конституциям уже в период раннего конституционализма на практике была выявлена вариативность эволюционных конституций, возможность реализации в них разных моделей и интересов при сохранении в целом традиционного управления, что впоследствии и было подтверждено практикой множества стран. Во-вторых, конституционализм был обогащен уникальным опытом выработки конституций с согласованием позиций множества участников разного ранга из разных стран. В-третьих, было продемонстрировано, что и при разработке конституций на территории с военным присутствием возможен конституционный процесс при активном участии населения и без навязывания ему чуждых образцов. В-четвертых, в результате принятия конституций на островах был приобретен конституционный опыт создания полусамостоятельного государства — первый опыт конституционного перехода от колонии к государственности. Помимо этого, конституционно-правовая интерпретация зарубежного практического российского конституционного опыта и дарования конституций «на окраинах» империи открывает новые грани становления современного конституционализма, а исследование связанных с ее созданием событий и фактов делает картину конституционной истории человечества более полной.

³¹ В письмах Павла I достаточно часто встречаются замечания, показывающие, что он соотносил свои распоряжения с национальным характером и культурой народа, к которому их должны были применить. Так, в письме Томаре от 27 февраля 1799 г. Павел I пишет, что княжение на островах фанариота «не может быть там удобно с нравами горячими и необузданными жителей, кои никогда не преклонятся спокойно взирать на угнетения, подобные чинимым в Молдавии и Валахии» (см.: АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 1409. Л. 54).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмирал Ушаков : сборник документов и материалов : в 3 т. / под ред. Р. И. Мордвинова. — Т. 2. — М., 1952.
2. Андреева Г. Н. Дубровницкая (Рагузская) республика как образец для создания полунезависимого греческого государства в конце XVIII — начале XIX в.: к вопросу об источниках Ионической Конституции 1799 г. // Реформы и право. — 2011. — № 2.
3. Андреева Г. Н. Место Ионической конституции 1799 г. в мировых конституционных процессах: постановка проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2010. — № 3.
4. Баренбойм П. Древнеегипетские корни библейской конституции // Российская юстиция. — 1999. — № 1.
5. Ваксман В. Б., Пархоменко А. Г. Конституционализм и парламентаризм: становление и развитие в России. — Владивосток, 2010.
6. Гинзбург Ю. В. Василий Степанович Томара и Конституция Ионических островов 1799 г. // Публично-правовые исследования. — 2012. — № 3.
7. Гросул В. Я. Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. — 1996. — № 2.
8. Конституционное право России / под ред. В. А. Виноградова. — М., 2010.
9. Карнишина Н. Г. Конституционализм в России: теория и история. — Пенза, 2008.
10. Киричёр Е. В. Конституционное право России. — Тюмень, 2012.
11. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — М., 2013.
12. Конституционное право России : курс лекций. — М., 2013.
13. Конституция в XXI веке. Сравнительно-правовое исследование. — М., 2011.
14. Красняков Н. И. Конвергенция имперских институтов публичной власти в России // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности : материалы конференции, г. Новосибирск, 25—26 октября 2012 г. — Новосибирск, 2013.
15. Нарутто С. В., Таева Н. Е., Шугрина Е. С. Конституционное право России. — М., 2013.
16. Пархоменко А. Г. Конституционализм: Становление и развитие в России. — М., Воронеж, 2012.
17. Станиславская А. М. Адмирал Ф. Ф. Ушаков и Ионическая конституция 1799 года // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений : сб. статей памяти акад. В. М. Хвостова. — М., 1972.
18. Петрунина О. Е., Кисунев С. Г. Эволюция государственного устройства Республики семи соединенных островов в 1799—1803 г. // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 : Управление (государство и общество). — 2009. — № 2.
19. Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции, 1798—1800 гг. — М., 1983.
20. Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. Политика России на Ионических островах 1798—1807 гг. — М., 1976.
21. Стрекозов В. Г. Конституционное право России. — М., 2012.
22. Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII в. — 70-е годы XIX в.). — М., 1986.
23. Шейнис В. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX—XXI веках. — М., 2014.
24. Шульженко Ю. Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. — М., 2008.

Материал поступил в редакцию 30 сентября 2015 г.

THE ORIGINS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM AND THE PLACE OF RUSSIA IN GLOBAL CONSTITUTIONAL PROCESSES

ANDREEVA Galina Nikolayevna — Ph.D. in Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

[g.n.andreeva@gmail.com]

117218, Russia, Moscow, ul. Krzhizhanovskogo, d. 15, kor. 2.

Review. The article is devoted to the problem of development of constitutional law. The author proves that Russia played a considerable role in preparation and adoption of the Constitution of the Ionian Islands in 1799 and 1803, as well as in creating other draft Constitutions for the Ionian Islands. The evaluation of Russia's contribution is made on the basis of a detailed examination of scientific literature and archival materials in Russia and on the island of Corfu (Greece), which made it possible to fill in the gap in the Russian constitutional history and to raise the question of its new interpretation, as well as to re-evaluate the peculiarities of the way Russia passed to its constitutional form of government. The Russian Empire in the late XVIII-early XIX centuries succeeded in creating constitutional documents that reflected evolutionary, rather than revolutionary transition to the constitutional form of government, though not in its territory. Thus, during the period of early constitutionalism the variability of such constitutions, the possibility to implement different models and interests while preserving traditional government in general were substantiated in practice, and, subsequently, they were confirmed by the practice of many countries. Constitutionalism was enhanced by the unique experience of drafting constitutions on the basis of coordination of opinions of many participants of different ranks from several countries. Russian experience justified that even in the case of drafting constitutions in the territories with foreign military presence, there is a possibility to implement the constitutional process, provided the population is actively involved into the process and alien patterns are not imposed on the population. As a result of adopting constitutions, the Islands acquired the constitutional experience of creating a semi-independent state. It was the first precedent of constitutional transition from the colonial status to the status of own statehood. Constitutional law interpretation of the constitutional experience of foreign countries and Russia and "granting" constitutions 'on the outskirts' of the Empire reveal new facets of the formation of modern constitutionalism, whereas the examination of the relevant events and facts makes the picture of the constitutional history of the humanity more ultimate

Keywords: interpretation of the constitutional history, constitutional history of Russia, Ionian Constitution of 1799, Ионическая конституция 1799 г., Constitution of the Ionian Islands of 1803, alternative to revolutionary constitutions, establishment of a semi-independent state, Ottoman Empire position, peculiarities of Russian constitutionalism, value of the constitutional experience, evolutionary transition to the constitutional form of government.

BIBLIOGRAPHY

1. Admiral Ushakov. In 3 V.. / Ed. by R.I. Mordvinova. V. 2. M., 1952.
2. *Andreeva, G. N.* Dubrovnik (Raguzskaya) Republic as a model for creation of a semi-independent Greek state in the late XVIII – early XIX century.: the sources of the Ionian Constitution of 1799. // *Reforms and Law. Scientific Analytical Journal.* 2011. N. 2.
3. *Andreeva, G. N.* The role of the Ionian Constitution of 1799 in international constitutional processes: the problem setting // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law.* 2010. N. - 3.
4. *Barenboim P.* Ancient Egyptian origins of the Biblical Constitution // *Russian Justice (Rossijskaia iustitsiia)* 1999. №1.
5. *Vaksman V. B., Parkhomenko A. G.* Constitutionalism and Parliamentarism: foundation and development in Russia. Vladivostok, 2010.
6. *Ginzburg, U. V.* Vasilii Stepanovich Tomara and the Constitution of the Ionian Islands of // *Public Law Researches.* 2012. № 3.
7. *Grosul, V. Y.* Russian Constitutionalism outside Russia // *National History.* 1996. № 2.
8. *Constitutional Law of Russia* // Ed. by V.A. Vinogradov. M., 2010.
9. *Karnishina, N. G.* Constitutionalism in Russia: theory and history. Penza, 2008.
10. *Kirichek, E. V.* Constitutional Law of Russia. Tyumen, 2012.
11. *Kozlova, E. I., Kutafin, O. E.* Constitutional Law of Russia. M, 2013.
12. *Constitutional Law of Russia. Course of Lectures.* M., 2013.
13. *Constitution in the XXI century. Comparative Law Research.* M., 2011.
14. *Krasnyakob, N. I.* Convergence of imperial institutions of public authority in Russia // *Innovative Development of the Legal Science as the Factor in Strengthening Russian Statehood: Materials of Conference, October 25–26, 2012, Novosibirsk,* 2013.
15. *Narutto, S. V., Taeva, N. E., Shugrina, E. S.* Constitutional Law of Russia. M., 2013.
16. *Parkhomenko, A. G.* Constitutionalism: Foundation and Development in Russia. M., Voronezh, 2012.
17. *Stanislavskaya, A. M.* Ushakov and the Ionic Constitution of 1799 // *Problems of History of Soviet Foreign Policy and International Relations. Coll. of articles in memory of Academician V.M.Khvostov.* M., 1972.

18. *Petrulina, O. E., Klisunov, S. G.* The evolution of the state system of the Republic of Seven United Islands in 1799–1803 // Journal of the Moscow State University. Ser. 11 Governance (the State and Society). M., 2009. № 2.
19. *Stanislavskaya, A.M.* Political Activity of F.F. Ushakov in Greece, 1798-1800. M., 1983.
20. *Stanislavskaya, A. M.* Russia and Greece in late XVIII – early XIX centuries. Russian Policy on the Ionian Islands in 1798–1807. M., 1976.
21. *Strekozov, V. G.* Constitutional Law of Russia. M., 2012.
22. Formation of independent national states in the Balkans (the end of XVIIIth century - 70s of XIXth century.). M., 1986.
23. *Sheynis, V.* Power and Law. Politics and Constitutions in Russia in XX-XXI centuries. M., 2014.
24. *Shulzhenko, Y. L.* Essay on Russian constitutionalism during the monarchic period. M., 2008